

Херсонесъ Таврической.

(Очеркъ).

На утесъ, омываемомъ безпокойными волнами Понта, лежатъ груды камня, зияютъ глубокія ямы и возвышается полуразрушенная стѣна, массивностью своей напоминающая постройки миоцескихъ циклоповъ— вотъ все, что осталось отъ Херсонеса Таврическаго, города, въ который, по словамъ Страбона, „многіе цари посылали дѣтей своихъ ради воспитанія духа и въ которомъ риторы и мудрецы всегда были почетными гостями“.

Даже и бѣглый взглядъ на эти развалины шести тысячъ лѣтъ, нѣкогда поражающихъ своей красотой и роскошью, а нынѣ превращенныхъ въ безобразныя куча щебня—навѣваетъ на душу чувство глубокой скорби, и чѣмъ яснѣе встаютъ воспоминанія о прошломъ этого цвѣтка эллинской культуры, тѣмъ сильнѣе охватываетъ зрителя печаль при видѣ массы человѣческаго ума, энергіи и знаній, претворенныхъ временемъ въ пыль и прахъ.

Смотришь на увядшую картину разрушенія и кажется, что громадный смерчъ съ моря гигантскимъ прыжкомъ кинулся на утесъ и сразивъ съ землей большой и богатый городъ, гордо возвышавшійся надъ коварно-ласковыми волнами моря. Пространство въ восемь верстъ окружностью все изъязвлено глубокими ямами, засыпано мелко раздробленнымъ щебнемъ, пустынно, уныло и мертво. Въетъ грустью кладбища, хотя вокругъ ни одного креста, все только ямы и груды камня. Царитъ тишина, а издала снизу доносятся говоръ волнъ, вемолчные голоса моря, которое видѣло славу города и постепенное паденіе его.

Кругомъ, на далекое пространство, поля тоже усыпаны бѣлыми камнями—это остатки стѣнъ разграничивавшихъ нѣкогда виноградники херсонитовъ. Въ одномъ уголкѣ этого кладбища четыре черныя фигуры рожются въ кучѣ мусора, какъ черви въ разлагающемся трутѣ. На расчищенной отъ мусора площадкѣ возвышается красивый храмъ во имя св. равноапостольнаго вел. кн. Владиміра. Въ древности это мѣсто было площадью города Херсониса и тамъ, гдѣ теперь стоитъ христіанскій храмъ, „величественно возвышалось въ слѣпой гордости“,—какъ говоритъ молодой монахъ-проводникъ,—„языческое капище идола древнихъ жителей сего, Господомъ разрушеннаго, града“. „А именовался этотъ идолъ богиней Діаной, также называемой Охотницей“. Неподалеку отъ храма Св. Владиміра находятся многочисленные постройки монастыря, построеннаго въ 1850 г.; монастырская церковь во имя св. Ольги. Всего земли подъ монастыремъ и храмомъ св. Владиміра 112 дес. 1,477 с.—и вся эта земля представляетъ собою археологическую сокровищницу, еще нетронутую и, конечно, уже недоступную для раскопокъ. За монастыремъ, по берегу моря, на западъ, земля занята сооруженіемъ военно-инженернаго вѣдомства, длинной ливней вытянулась батарея, пороховые погреба, стоятъ пушки, устремивъ свои стальные части въ просторъ моря. Это мѣсто, по изслѣдованіямъ Тунемана и Аркаса, было могильникомъ херсонитовъ; при сооруженіи батареи здѣсь были вырыты надгробныя

плиты, сосуды изъ стекла и обожженной глины, въ которыхъ ставили въ гробницы бальзамъ, нѣсколько цинковыхъ и глиняныхъ урнъ, съ костями, золотыхъ и серебряныхъ украшеній, много монетъ. Такимъ образомъ, $\frac{4}{5}$ земли, въ высшей степени цѣнной съ научной точки зрѣнія,—утрачено для науки, быть можетъ, навсегда утрачено. Археологическимъ изысканіямъ и раскопкамъ доступна только $\frac{1}{5}$ часть Херсониса, и въ данное время ее энергично эксплуатируетъ завѣдующій раскопками г. Косцюшко-Валюжиничъ, наполнившій выкопанными изъ-подъ наслоеній двадцати вѣковъ вещами—цѣлый музей, помѣщающійся тутъ-же, на берегу бухты, и на землѣ Херсониса въ плоховномъ сарайчикѣ. Болѣе цѣнные добычи науки отправляются въ Эрмитажъ, монастырь также имѣетъ въ своемъ распоряженіи цѣлый чуланъ, безпорядочно набитый, вещами, добытыми изъ земли во время рытья фундаментовъ для монастырскихъ построекъ и храма св. Владиміра. За шесть съ половиной лѣтъ изысканій на почвѣ Херсониса, сдѣлана масса очень цѣнныхъ пріобрѣтеній для исторической и археологической наукъ, и это не смотря на тотъ фактъ, что почтенные обыватели Севастополя, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, въ продолженіе многихъ лѣтъ безнаказанно грабили могильники, и таскали мраморъ съ развалинъ города для своихъ построекъ. И до сего времени случается, что въ зданіяхъ Севастополя открываютъ осколки Херсониса. Помимо севастопольцевъ, Херсонисъ разграбляли и враги его—ордынцы, турки, литовцы Ольгерда и другіе. Мартинъ Броневскій, посланникъ Баторія къ хану Крыма магометъ—Гирей говоритъ, что турки въ 1454 г., послѣ взятія Византіи, перевезли себѣ изъ Херсониса колонны изъ мрамора есерпентина. А нѣкій колонистъ Цвикъ выломалъ въ развалинахъ сарая, столицы Золотой Орды, мраморную доску съ частью начертаннаго на ней декрета въ честь сивопскаго гражданина Каія Евтихіана Навклара, оказавшаго херсонитамъ какія то важныя услуги и за это почетнаго ими. Такимъ находкамъ нѣсть числа.

Сколько цѣнныхъ вещей погребено подъ строевіями монастыря и военно-инженернаго вѣдомства и какую утрату для науки составляетъ эта потеря! Херсонесъ Таврическій былъ однимъ изъ яркихъ цвѣтковъ греческой культуры, и нужно видѣть находящіяся въ музеѣ медалыоны, статуи, обломки колоннъ, капители, посуду изъ глины, изумительно тонко сдѣланную и поражающую легкостью, нужно видѣть обиліе отрытыхъ садовыхъ орудій и рыболовныхъ снарядовъ, чтобы судить о высотѣ искусства и великой трудоспособности херсонитовъ. Городъ имѣлъ громадныя виноградники—нынѣ вокругъ него разстилаются пустынные поля, густо усыяныя камнемъ. Современные культуртрегеры не обращаютъ никакого вниманія на эту землю, нѣкогда столь тѣсно занятую, что за „разграниченія виноградниковъ въ равнинѣ“ между спорившими владѣльцами гражданъ Агасиклъ былъ почтенъ благодарными херсонитами мраморной статуей, стоявшей у храма Діаны вмѣстѣ со статуями другихъ достойныхъ гражданъ.

Помимо виноградниковъ, обиліе рыболовныхъ снарядовъ и массы устричныхъ раковинъ, находимыхъ въ землѣ, указываетъ на высское развитіе у херсонитовъ промысловъ

рыболовнаго и устричнаго, что и подтверждается свидѣтельствомъ Страбона.

Въ городѣ существовало также много фабрикъ, изготовлявшихъ амфоры и урны, которыми Херсонисъ торговалъ съ Ольвіей, Паитикапеей, Теодосіей, Синопомъ и другими древними городами Тавріи. На энергію и предприимчивость херсонитянъ указываетъ и недавно открытый водопроводъ: вода собиралась изъ ключей, отстоявшихъ отъ города на разстояніи болѣе десяти верстъ и по тонкимъ гончарнымъ трубамъ проводилась въ городъ. А чтобы обезопасить себя отъ набѣговъ скивовъ, херсониты отгородили стѣной всю юго-западную часть полуострова, выдающуюся въ море треугольнымъ мысомъ, одной стороною котораго служитъ севастопольскій рейдъ, другой балаклавская бухта, а основаніемъ—разстояніе между рейдомъ и бухтой, имѣющее въ длину болѣе 8 верстъ. Окружность этого мыса по берегу моря имѣетъ 45 верстъ и этотъ-то полуостровъ херсониты отгородили стѣной по всей длинѣ его основанія т. е. стѣной въ восемь верстъ длины, достигавшей мѣстами до трехъ сажень въ высоту и имѣвшей до десяти башенъ—сторожевыхъ пунктовъ для наблюденія за врагами-кочевниками.

Это сооруженіе, какъ видите, не уступаетъ знаменитымъ стѣнамъ римлянъ Цезаря и Сивера, возведеннымъ ими въ древней Британіи, для защиты своихъ поселеній и покоренныхъ племенъ отъ набѣговъ непобѣдимыхъ скоттовъ и пиктовъ, обитавшихъ въ Албенъ или Каледоніи, нынѣшней Шотландіи. Херсониты—переселенцы изъ малоазійскаго города Иракліи Понтійской *). Они явились въ Таврію въ концѣ VII вѣка до Р. X. и основали здѣсь Херсонисъ сначала въ семи верстахъ отъ Севастополя, на мысѣ, около нынѣшняго Георгіевского монастыря. Будучи, какъ древніе греки, предприимчивыми и трудолюбивыми, они скоро развили высокую культуру и вмѣстѣ съ тѣмъ богатство ихъ послужило для дикихъ тавровъ соблазнительной приманкой. Набѣги этихъ дикарей заставили иракліицевъ переселиться на новое мѣсто, и они основали новый Херсонисъ въ двухъ верстахъ отъ Севастополя, отгородились своей циклопической, восьмиверстной стѣной и такой-же могучей стѣной окружили весь свой городъ. Развалины городской стѣны уцѣлѣли до сего времени и стоятъ вѣка, свидѣтельствуя о громадной энергіи и строительномъ искусствѣ древнихъ.

Стѣна окружала городъ зигзагами; со стороны моря отъ пристаней къ ней вели вырубленные въ скалахъ лѣстницы. Самый городъ представлялъ собой въ цвѣтущую пору до шести тысячъ роскошныхъ зданій съ населеніемъ въ 50,000 человекъ. Площадь его занимала 2,200 кв. саж., въ центрѣ ея стоялъ храмъ Діаны, окруженный металлическими и мраморными статуями именитыхъ херсонитянъ. Двѣ мѣдныя статуи поставлены были въ честь героини херсонитянъ Гики, жевщины съ высоко-развитымъ чувствомъ гражданственности. Она заслужила поклоненіе согражданъ своихъ слѣдующимъ поступкомъ. Въ IV вѣкѣ по Р. X. Александръ, царь босфорскій, возымѣлъ намѣреніе овладѣть богатымъ и независимымъ Херсонисомъ, но не чувствуя себя въ силахъ одолѣть херсонитянъ въ бою, прибѣгъ къ хитрости. Онъ просилъ для

*) Объ Иракліи см. у Геродота—Жизнеописаніе Солона.

своего сына руки Гикія, дочери уважаемаго херсонитянами гражданина Ламаха. Ламахъ согласился на бракъ съ тѣмъ, чтобъ дочь его осталась въ родномъ городѣ, и вскорѣ умеръ, а къ босфорскому царевичу, время отъ времени являлись, небольшими группами воины его отца. Они прѣѣзжали и исчезали куда-то изъ города. Это поразило Гикію, она стала слѣдить за сношеніями своего мужа съ Босфоромъ, вскорѣ открыла въ подвалахъ своего дворца до двухъ сотъ воиновъ босфорянъ и поняла, что они ожидаютъ тутъ удобнаго момента для того, чтобъ напасть враспlohъ на городъ. Въ морѣ уже готовъ былъ флотъ для помощи имъ. Тогда Гикія, сообщивъ согражданамъ о заговорѣ, подожгла свой дворецъ, заперевъ его подвалы и въ нихъ мужа во главѣ съ заговорщиками. Облѣгательскими, обложенный горячими веществами дворецъ сталъ костромъ для людей, посягнувшихъ на свободу ближнихъ.

И двѣ статуи изъ мѣди увѣковѣчили имя Гикіи, а исторія, рукой Страбона, занесла его на свои страницы.

Вмѣстѣ со статуями Гикія стояло много другихъ. Изъ числа ихъ, заслуживаетъ вниманія бюстъ Агасиклета, „знаменитаго гражданина“, который, какъ гласитъ надпись извѣстная на подножіи бюста, „укрѣпилъ городъ и обвелъ его стѣной, устроилъ городскую площадь, размежевалъ поля вокругъ города“ и т. д. Въ Херсонисѣ цѣнили общественныхъ дѣятелей, ибо общественные дѣятели Херсониса, какъ о томъ свидѣлствуютъ ихъ сограждане, соединяли энергію съ безкорыстіемъ и честолюбіемъ ихъ не превышало чувства мѣры.

Въ чуланчикѣ монастыря, — монахъ называлъ мнѣ чуланчикъ музеемъ — хранится мраморный педесталь отъ монумента царя Митридата Евпатора-Диофанта. На педесталѣ извѣсны подвиги Диофанта, надпись переведена членомъ Императорскаго одесскаго О-ва исторіи и древностей г. Юргевичемъ и представляетъ собой образецъ греческаго пейфизма.

„Такъ какъ, — просто и сильно говорить она, — Диофантъ, сынъ Асклиподора изъ Синопа, другъ нашъ и благотворитель, сталъ виновникомъ добра для каждаго изъ насъ со стороны царя Митридата Евпатора“... слѣдуетъ длинное перечисленіе походовъ и подвиговъ Диофанта и надпись заключена такъ:

„... Чтoby было явно, что народъ приноситъ своимъ друзьямъ должную благодарность, сенатъ и народъ Херсониса постановили возложить на Диофанта, сына Асклиподора, золотой вѣнецъ во время публичнаго шествія на праздникъ Парфеніи, съ общаго народоваціемъ черезъ распорядителей, что Херсонисъ награждаетъ вѣнцомъ Диофанта за доблесть и расположеніе къ народу. Сверхъ того, воздвигнуть ему мѣдную статую въ военномъ вооруженіи въ Акрополѣ возлѣ жертвенника дѣвственной богини Херсониса. О всемъ этомъ поручается озаботиться упомянутымъ ниже гражданамъ съ тѣмъ, чтобы все было сдѣлано какъ можно лучше и какъ можно скорѣе... Пейфизмъ же начертать на подножьи статуи“.*)

Это постановленіе издано сенатомъ Херсониса въ 79 г. до Р. Хр. въ моментъ самаго пышнаго разцвѣта жизни города и въ моментъ первой серьезной грозы, собравшейся надъ нимъ, предвѣстница многихъ

бурь, въслѣдствіи превратившихъ Херсонисъ въ груды мусора. За пять столѣтій своего существованія, Херсонисъ выросъ настолько, что сталъ въ высшей степени лакомымъ кускомъ для разныхъ завоевателей. Все это время онъ успешно боролся со скинами, сохраняя свою независимость и самоуправленіе, но въ началѣ 70 г. до Р. Х. извѣстный исторіи царь скивовъ Скидуръ объединилъ свои дикія племена и сталъ упорно тѣснить херсонитянъ. Видя, что собственными силами имъ не одолѣть врага, херсониты обратились за помощью къ Митридату, и онъ съ радостью послалъ имъ Диофанта во главѣ 60,000 воиновъ. Диофантъ вытѣснилъ скивовъ изъ предѣловъ Гавріи, а Митридатъ вскорѣ послѣ этого подчинилъ Херсонисъ своей власти, въ награду за свою помощь. Но и римлянамъ нравился Херсонисъ. Когда ихъ оружіе укротило Митридата въ Азіи, онъ бѣжалъ черезъ Кавказъ въ Крымъ, къ херсонитянамъ, собралъ новое войско и пытался отмстить Риму нападеніемъ съ сѣвера, пройдя черезъ земли скивовъ и германцевъ, но солдаты отпали отъ него и провозгласили паремъ сына его Фарнака. Отецъ, боясь, что сынъ выдастъ его врагамъ, принялъ ядъ и умеръ, а императоръ Помпей, пользуясь удобнымъ случаемъ, присоединилъ Херсонисъ къ владѣніямъ Рима.

Свободный городъ потерялъ на время свою свободу. Но во времена императоровъ Октавія Августа, Траяна, Адриана и Константина, онъ все еще продолжалъ цѣлѣ и развиваться и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніяхъ. Въ 36 году Адрианъ даровалъ ему полную автономію, освободилъ отъ податей, даже далъ награду „за вѣрность Риму“. Эта награда — симптомъ пониженія гражданственности херсонитовъ. Съ этихъ поръ херсониты участвуютъ во всѣхъ войнахъ Рима, и Константинъ снова награждаетъ ихъ, подаривъ имъ свою золотую статую, печать, съ которой всѣ прошенія херсонитянъ непременно доходили до самого императора, 1,000 мѣръ хлѣба ежегодно, веревки для луковъ и желѣзо. Такъ продолжалось до IV вѣка, и за это время Херсонисъ даже расширилъ свои владѣнія на южномъ берегу Крыма до Феодосіи.

Но въ IV вѣкѣ явились въ Крыму готы, въ V — гунны, послѣдніе напали на Херсонисъ, долго держали его въ осадѣ и хотя не взяли, но причинили ему большой вредъ. Недавно около Херсониса найдено шесть череповъ странной формы: ихъ лобная кость далеко запрокинута назадъ, а выпуклое темя отличается замѣчательнымъ сходствомъ съ теменемъ гориллы. Антропологи находятъ, что эти черепа принадлежатъ именно гуннамъ. Пять изъ нихъ отправлены, шестой хранится въ херсонисскомъ музеѣ, поражая зрителя своей уродливостью.

За гуннами явилось еще какое-то монгольское племя. Пеунеманъ называетъ его турками, хотя въ VI вѣкѣ этого названія еще не было слышно, за турками — хозары. Послѣдніе, покоривъ степную часть Крыма, оставались тутъ до XI вѣка, постоянно источая Херсонисъ набѣгами.

Въ 615 г. въ Херсонисѣ жила сверженный и сосланный Леономъ императоръ Юстиніанъ, изувѣченный, съ отрѣзаннымъ языкомъ и носомъ. Онъ, самъ глубоко несчастный, былъ источникомъ несчастій и для херсонитянъ. Когда Леонъ былъ, въ свою очередь, свергнутъ Тиверіемъ, Юстиніанъ далъ понять херсонитянамъ, что онъ надѣется вновь занять престолъ Рима. Боясь гнѣва Тиверія, херсонитяне

тѣмъ рѣшили выдать изувѣченнаго экс-императора Риму, но Юстиніанъ бѣжалъ отъ ператора Риму, оттуда къ болгарамъ и, нѣжъ къ хозарамъ, оттуда къ болгарамъ и, подарившись при ихъ помощи въ Константинополь, вскорѣ пошелъ во главѣ 100,000 войска мстить херсонитамъ. Онъ разорилъ городъ и увелъ въ плѣнъ всѣхъ его знатныхъ гражданъ, но этого ему показалось мало, и онъ вновь послалъ флотъ съ 75,000 войска съ приказомъ совершенно уничтожить Херсонисъ. Флотъ весь погибъ отъ бури. Императоръ всетаки хотѣлъ мстить и посылаетъ второй флотъ съ тѣмъ-же строгимъ и жестокимъ приказомъ. Флотъ прибылъ, высадился, началась осада, уже была разрушена часть стѣны города — явились хозары и разбили римлянъ. Юстиніана, императора могучаго Рима, заставляютъ присягнуть въ вѣрности царю полудикихъ хозаръ Вардану. Римлянинъ бѣжитъ отъ позора, но его схватываютъ и убиваютъ. Этого наказанія не много для челоука, убившаго цѣлый городъ, его благосостояніе, свободу и энергію...

Полуразрушенный Херсонисъ всетаки не отставалъ отъ имперіи и даже возродился на короткое время. Въ 835 году императоръ Теофилъ сдѣлалъ Херсонисъ областнымъ городомъ восточно-римской имперіи и далъ ему первенство надъ всеми греческими поселеніями въ Крыму и Зихіи до рѣкъ Кубани. Но въ 988 явился Владиміръ Красное Солнышко. Разрушивъ Херсонисъ, онъ крестился въ немъ и возвратилъ городъ подъ власть Византіи.

Но Византія, истощенной и безсильной, не время было обращать вниманіе на полуостровъ, отдѣленный отъ моря моремъ. Херсонисъ рвали на куски печенѣги и половцы. А генуезцы, появившіеся на Крымскомъ полуостровѣ въ VII вѣкѣ — въ X уже имѣли здѣсь массу факторій и городовъ, во главѣ которыхъ стояла Согдайна — ный Судакъ. Они захватили въ свои руки всю торговлю края, и Херсонисъ, нѣкогда знаменитый разсадникъ просвѣщенія и искусства, погибъ подъ гнетомъ генуезцевъ экономически, какъ ранѣе погибъ онъ политически. Фибулы, пряжки, серьги и ожерелья изъ Херсониса — уступили мѣсто вѣдліямъ генуезцевъ. Центръ греческой культуры и цивилизаціи въ Тавридѣ — исчезъ, сталъ воспоминаніемъ.

Въ 1397 году Ольгердъ Литовскій навесъ Херсонису послѣдній ударъ, окончательно разграбивъ его и перебивъ половину жителей.

И когда въ XV вѣкѣ въ Херсонисъ пришли турки, только что взявшіе Константинополь, на долю ихъ не было уже оставлено ни жителей, ни богатствъ. Тогда они, по вышеприведенному свидѣтельству Бронескаго, стали разрушать уплѣвшія отъ погрома зданія, выламывая изъ нихъ металл и мраморъ.

Такъ погибъ этотъ городъ, существовавшій два тысячелѣтія, и вотъ нынѣ лежитъ трудъ двадцати вѣковъ, — неустанная работа сотни поколѣній людскихъ — лежитъ въ видѣ грудъ щебня, возбуждая видомъ своимъ тоску и много мрачныхъ думъ.

Жизнь создается такъ медленно и трудно, а разрушается такъ быстро и легко... За чѣмъ это?

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Изъ XII-го тома записокъ одесскаго О-ва исторіи и древностей.

Херсонесъ Таурическій.

(Очеркъ. *).

Соборный храмъ во имя св. Владиміра, стоящій въ оградѣ херсонисскаго монастыря, съ вѣшной стороны представляетъ собой красивое зданіе въ византійскомъ стилѣ, но нѣсколько пестрое и тяжелое. Онъ построенъ въ формѣ креста, какъ древне-христіанскіе храмы, два фундамента которыхъ уцѣлѣли и по сіе время и находятся рядомъ съ храмомъ въ оградѣ. Раньше на этомъ мѣстѣ стояло восемь христіанскихъ храмовъ, изъ нихъ одинъ во имя св. Василія, тотъ самый, въ которомъ принялъ крещеніе князь Владиміръ.

Нижняя церковь собора включаетъ въ себя древній фундаментъ, нѣсколько реставрированный. Онъ возвышается отъ пола церкви на полтора аршина и представляетъ собою именно остатки древняго корсунскаго храма св. Василія, въ немъ даже обозначено, мраморной оградой то мѣсто, гдѣ стояла купель князя Владиміра. На одной изъ стѣнъ большая картина изображаетъ обрядъ крещенія князя. Церковь низкая, темная, и остатки древняго храма, для которыхъ она служитъ какъ бы футляромъ усиливаютъ, холодъ и мракъ, наполняющій ее. Чувствуешь себя въ склепѣ.

Верхняя церковь поражаетъ своей пестротой. Всюду краски, громадныя картины, блестящіе ризы, золото и холодное сіяніе мрамора. Иконостасъ весь изъ мрамора, его рѣзали въ Италіи, и онъ стоитъ около двухъ десятковъ тысячъ. Большинство картинъ работы академиковъ, но среди окружающей ихъ пестроты и блеска онѣ не производятъ впечатлѣнія.

Весь храмъ построенъ изъ лучшаго иерманскаго камня, на гранитномъ основаніи. Пятьдесятъ двѣ колонны изъ итальян-

скаго мрамора идутъ вокругъ храма по галереѣ, окружающей его. Въ полукруглыхъ окнахъ—цвѣтныя стекла, окрашивающія море въ фантастическія краски. Видъ на море изъ храма—широкій и красивый. Въ общемъ это сооруженіе, стоившее болѣе милліона, является скорѣе памятникомъ старины, выстроеннымъ на площади древней Корсуніи и на мѣстѣ храма Діаны. Службы въ немъ пока бываютъ два раза въ годъ и посѣщаются севастопольцами неохотно. Севастополь стоитъ въ двухъ слишкомъ верстахъ отъ храма, дорога плохая и пыльная.

Монахи, хотя и знакомы съ бытомъ древняго Херсониса и имѣютъ у себя наглядныя доказательства неутомимой энергіи грековъ, но не подражаютъ имъ въ этомъ. Даже рыбу, живя на берегу моря, они покупаютъ на севастопольскомъ базарѣ и не имѣютъ даже своей лодки для сообщенія съ городомъ, на что завѣдующій раскопками Херсониса г. Косцюшко-Валюжиничъ иронически указываетъ въ своемъ отчетѣ о раскопкахъ въ 1895 г. При монастырѣ есть гостиница для желающихъ дышать воздухомъ моря и купаться. Зимой она пустуетъ, лѣтомъ—полна и представляетъ одну изъ статей дохода для монастыря.

Музей древностей Херсониса, находящійся сейчасъ же за оградой монастыря, не только внутри биткомъ набитъ вещами, но и снаружи заваленъ ими. Чего тутъ вѣтъ! Громадныя мраморныя колонны съ ажурными капителями, мраморный левъ съ городскихъ воротъ Херсониса, гробницы, урны семейныя, памятники, громадныя глиняныя сосуды для храненія вина, обломки барельефовъ, цѣлыя полы изъ мозаики и на всемъ этомъ лежитъ отпечатокъ недосыгаемаго изящества эллинской культуры.

Сравнивая мраморный иконостасъ храма св. Владиміра съ древней рѣзбой капителей, украментовъ и барельефовъ—видишь, что современнымъ итальянскимъ мастерамъ совершенно недоступно такое тонкое пониманіе красоты рисунка и такое тонкое ис-

полненіе, которымъ обладали херсониты. Въ музей есть гипсовая головка гидры, эта маленькая, дурно положенная вещь—живетъ и дышетъ, глядя на васъ изъ за стекла витрины. Обломокъ статуетки Діаны, голова Зевса, бальзамари, капители колоннъ и масса другихъ предметовъ—все это проникнуто красотой, воистину безсмертной.

Глядя на эти обломки исчезнувшей культуры, понимаешь, какъ громадно значеніе простоты въ красотѣ. Въ сущности все эти изваянія изъ мрамора—просты. И именно поэтому они такъ красивы. Вотъ предъ вами плита мрамора, на ней начертана гражданская присяга херсонцевъ. Строки присяги окружены узкой рамкой орнамента. Въ немъ ничего замысловатаго, рисунокъ только простъ, но онъ придаетъ всей тяжелой плитѣ колоритъ художественной вещи.

А вотъ текстъ самой присяги, по переводу профессора Латышева *).

„Клянусь Зевсомъ, Землею, Солнцемъ, Дѣвою (Діаной) и богами, богинями и героями олимпійскими, кои владѣютъ городомъ и землею и укрѣпленіями херсонисатовъ: я буду единомысленъ относительно благосостоянія и свободы города и гражданъ и не передамъ ни Херсониса, ни Керкинитиды, ни прекрасной гавани, ни прочіихъ укрѣпленій и земель, коими херсонисаты владѣютъ, ничего никому—ни эллину, ни варвару, но буду охранять для народа херсонисатовъ и не нарушу демократіи и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вмѣстѣ съ нимъ, но заявлю городскимъ диміургамъ и врагомъ буду злоумышляющему и предающему и склоняющему къ отпаденію Херсонесъ или Керкинитиду, или прекрасную гавань, или укрѣпленія и область херсонисатовъ и буду служить диміургамъ какъ можно лучше и справедливѣе для города и гражданъ и... **); народу охраню и не передамъ на словахъ ничего тай-

*) Изъ 9 тома матеріаловъ по археолог. Россіи.

**) Не разобрано...

наго ни эллину, ни варвару, что может повредить городу; и дара не дамъ и не приму ко вреду города и гражданъ; и не замыслу никакого несправедливаго дѣянія противъ кого либо изъ гражданъ и никому замышляющему никакого подобнаго дѣянія не дозволю, но заявлю и при судѣ подамъ голосъ по законамъ и въ разговоръ не вступлю ни противъ общины, ни противъ кого либо изъ гражданъ, кто не объявленъ врагомъ народа; если-же я съ кѣмъ либо вступлю въ разговоръ, и если связанъ какою либо клятвою по обѣту, то нарушившему будетъ лучше и мнѣ и моимъ, а пребывающему обратное и если я узнаю какой либо разговоръ, существующій или составляющійся, то заявлю дамургамъ и хлѣба вывознаго изъ равнины не буду продавать и вывозить въ другое мѣсто изъ равнины, но только въ Херсонисъ—Зевсъ и Земля и Солнце и Дѣва и бѣги олимпійскіе. Пребывающему мнѣ въ этомъ, да будетъ благо и самому и роду и моимъ, а непребывающему—зло и самому и роду и моимъ и да не приносятъ мнѣ плода, ни земля, ни море, ни женщины, да не“....

Низъ плиты отломленъ и пока еще не найденъ. Присяга относится къ IV—III вѣку до Р. X., ко времени развитія города.

Изъ находокъ 1826 года заслуживаетъ серьезнаго вниманія золотое ожерелье, отправленное въ Эрмитажъ. Это ожерелье, судя по снимку съ него, находящемуся въ музеѣ, отличается изумительной комбинаціей частей, красотой исполненія и своей цѣнностью. Оно распалось на части отъ долгаго пребыванія въ землѣ и состоитъ изъ 17 золотыхъ круглыхъ бляшекъ и еще 64 частей, представляющихъ собой изящныя рубчатыя трубочки и пластинки, испещренныя тонкой рѣзбой. Въ гробницѣ, изъ которой была вынута эта цѣнная вещь, найдено еще бронзовое зеркало, ножныя серебряныя обручи, бусы изъ янтаря и агата, два золотые перстня, одинъ изъ нихъ съ овальнымъ аметистомъ, украшеннымъ головой воина, вырѣзанной на

немъ, два кусочка румянъ, не потерявшихъ своего свойства отъ многовѣковаго пребыванія въ землѣ, двѣ серебряныя бляшки съ вытѣсненнымъ на нихъ бюстомъ Афродиты и двумя амурами по сторонамъ ея, серьги въ видѣ рысьихъ головъ, топазы, масса древнихъ монетъ и—нѣтъ возможности перечислить всѣ вещи извлеченныя изъ этого маленькаго подземнаго музея.

Несомнѣнно, что въ этой гробницѣ была похоронена женщина и, быть можетъ, это именно гражданка Гикія, упоминавшаяся выше. Эта догадка основывается на томъ фактѣ, что гробница была открыта *подъ стѣной* города. Херсониты, очевидно хорошо понимавшіе важность для жизни чистаго воздуха, хоронила своихъ мертвыхъ далеко внѣ городскихъ стѣнъ; Гикія-же, въ награду за свою услугу гражданамъ, потребовала, чтобъ ее похоронили въ стѣнахъ города.

Городъ воспротивился этому и предложилъ замѣнить такую почесть возстановленіемъ сожженнаго ею дворца на общественный счетъ. Гикія не уступала, тогда граждане дали ей клятву, что исполнять ея желаніе. Но женщина, зная силу обычая, который она нарушила, задумала испытать согражданъ и сдѣлала это такъ: подговорила своихъ слугъ, она притворилась умершей. Херсониты были опечалены смертью славной женщины, но всетаки рѣшили нарушить клятву, данную ей и вынесли ее за городъ. У могилы Гикія встала и горько упрекнула согражданъ за ихъ вѣроломство. Тогда они дали ей вторую клятву и еще при жизни позволили ей назначить мѣсто вѣчнаго упокоенія, а когда она назначила, то отмыгли его ей мѣднымъ, вызолоченнымъ бюстомъ.

„Но“,— говоритъ Броневскій, — было бы правдивымъ сомнѣніе въ томъ, что херсониты, и вторую клятву свою исполнили, ибо сила обычая ихъ весьма велика была“. Можетъ быть, они подкопались подъ стѣну города и похоронили Гикію, такъ сказать, на границѣ ея и ихъ желанія. Конечно, это

только догадка, подтверждаемая царственной роскошью гробницы и обиліемъ цѣнностей, оказавшихся въ ней.

Собственно говоря—весь полуостровъ представляетъ собой неисчислимую по богатству археологическую сокровищницу. На дняхъ, по словамъ „Салгаро“, въ селѣ Строгозъ крестьяне, раскопавъ одинъ маленькій курганъ, открыли въ немъ цѣлый кладъ: двѣ подвѣски съ изображеніемъ драконовъ, 13 уточекъ-подвѣсокъ, древне-греческой работы, 24 пластинки, съ изображеніемъ мифологическихъ лицъ, еще 15 разнообразныхъ пластинокъ, 257 трубочекъ, 130 чечевицеобразныхъ кружковъ, 192 кружка круглыхъ, 270 треугольныхъ пластинокъ, массу пуговицъ—всѣ до одной вещи изъ высокопробнаго золота.

Недавно—въ херсонисскій музей доставлена со степи въ высшей степени интересная статуя. Это довольно грубое изображеніе челоуѣка въ полный ростъ, на головѣ у него головной уборъ башкира, за спиной колчанъ и стрѣлы, руки сложены на животъ, одежды длинныя, до пятъ. Изваяна эта статуя изъ сѣраго камня, по словамъ знатоковъ дѣла, не находящагося среди горныхъ породъ Крыма.

Вообще Крымъ для исторической науки—золотое дно, какъ заявляютъ мѣстные любители археологіи. Это естественно—въ немъ цвѣли такіе роскошные цвѣты эллинской культуры какъ Херсонисъ, Пантикапея....

Теперь на мѣстѣ перваго—мерзость запустѣнія, на мѣстѣ второй—Керчь, хранящая въ почвѣ своей многое множество цѣнностей.

Уходя съ развалинъ Херсониса—уносишь съ собой что-то тяжелое и мрачное. Кажется, что ушелъ съ почвы, отъ которой пахнетъ дымомъ, кровью, разлагающимися трупами. Сколько на земномъ шарѣ такихъ развалинъ! Много-ли еще будетъ и настанетъ-ли время, когда люди будутъ только созидать, утративъ дикую страсть къ разрушенію?

Будемъ-ли мы когда-либо менѣе алчны?

М. Горькій.